

Обзорная статья

УДК 296.1

<https://doi.org/10.24833/2541-8831-2021-3-19-41-59>

ОБЗОР АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ОБ ИКОНОГРАФИИ ПОЗДНЕАНТИЧНОГО ИУДАИЗМА (XX – XXI вв.)

Александра Константиновна Григорьева

МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия,

atororova111@mail.ru,

<https://orcid.org/0000-0003-2431-9131>

Аннотация. Предметом данного исследования является историография иудейской позднеантичной иконографии. Искусство иудаизма поздней античности начало систематически изучаться с 1930-х гг. Однако до настоящего времени в русскоязычной литературе практически нет исследований данного предмета, за исключением работы Л.С. Чаковской. В различные учебные пособия и справочники включены образцы позднеантичных синагогальных мозаик и фресок, где эти артефакты как правило описаны исключительно с искусствоведческих позиций. Пробел, не учитывающий иные исследовательские ракурсы, возможно вызван сравнительно небольшим временным лагом, ведь историография иудейской иконографии периода поздней античности насчитывает менее века. Более того, её исследованием занимались в основном зарубежные авторы, писавшие по преимуществу на английском языке. Обзор такой литературы, выполненный на русском языке, актуален прежде всего для российского читателя. Вместе с тем, он позволяет проследить ключевые периоды исторического становления предмета исследования в XX и начале XXI вв. и открывает возможность продолжить изучение вопроса с учётом новых результатов. В работе использованы такие методы, как систематизация (с акцентом на особенности религиоведческого подхода), а также периодизация. Анализ литературы, посвящённой иконографии позднеантичного иудаизма, показал, что артикуляция предмета исследования произошла сравнительно недавно. Тем не менее можно проследить определённую динамику роста внимания к нему и выделить основные периоды исторического развития исследований в данной области. Предпринятый обзор показывает, что приблизительно с 1950-х гг. чётко обозначились два основных вектора («внешний», требующий учёта социокультурного контекста, и «внутренний», исходящий из специфики самого иудаизма), определяющих направление исследований иконографии иудаизма поздней античности по сей день.

Ключевые слова: позднеантичный иудаизм, иконография, историография позднеантичного иудаизма, периодизация историографии, христианское искусство, символ, артефакт, история искусства

Для цитирования: Григорьева А.К. Обзор англоязычной литературы об иконографии позднеантичного иудаизма (XX – XXI вв.) // Концепт: философия, религия, культура. — 2021. — Т.5, №3. — С. 41–59. <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2021-3-19-41-59>

Review article

REVIEW OF ENGLISH-LANGUAGE RESEARCH ON ICONOGRAPHY OF LATE ANTIQUE JUDAISM (20th – 21st CENTURIES)

Aleksandra K. Grigoreva

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia,
atoporova111@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-2431-9131>

Abstract. The iconography of late antique Judaism became a research area in the second quarter of the 20th century. Before this time there was no such a large number of murals, mosaic pavements and other artworks available for examination. When scholars started considering monuments from late antique synagogues, they seek to find a relevant approach to studying the phenomenon of Jewish art in this period, its emergence and development. In the course of different periods in historiography of the subject various topics came to the forefront of research and became more important than the others. In the West this scientific area went through several stages in its development, while issues of iconography of late antique Judaism have not been on the agenda of the Russian-speaking scientific community till the present moment. This review of English-language major research seeks to compensate for the lack of a systematic view of the problem in Russian-language science, which is also touched upon in the present work. The subject of the present survey is historiography of Judaism iconography in the late antique period. The most cited English-language works on this subject are systematized in accordance with the periods of historiography and of the dominant direction of research. The review demonstrates three periods of historiography: early period with the stress on description; the second period with the question about existence and affiliation of Jewish art in late antiquity; and the latest period, observed in the present moment, that concentrates on systematic examination of art in general and some objects in particular. There are two main vectors of the study of the subject, which were formed by the end of the 20th century. The first is aimed at exploring symbols within the Jewish cultural paradigm without affecting the surrounding cultures. The second considers the symbols of Jewish iconography as included in the general cultural context of the regions of the Roman Empire, where worldviews were in constant interaction, and sometimes in opposition. Scientists have been developing both of these areas of research until present days. In the 21st century Jewish late antique iconography is an important area of research for Western science, which not only continues the development of problems indicated in the 20th century, but also formulates new ones, corresponding to modern trends in religious studies. The work shall attract the attention of readers to a significant number of little-known and highly specialized texts on the problem of the iconography of late antique Judaism.

Keywords: late antique Judaism, iconography, historiography of late antique Judaism, periodization of historiography, Christian art, symbol, artefact, art history

For citation: Grigoreva, A. K. (2021) 'Review of English-Language Research on Iconography of Late Antique Judaism (20th – 21st centuries)', *Concept: Philosophy, Religion, Culture*, 5(3), pp. 41–59. <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2021-3-19-41-59>

Введение

История изучения иудейской позднеантичной иконографии насчитывает менее века. Связано это с тем, что до 1930-х гг. количество памятников иудейской живописи было столь мало, что интересовали они лишь коллекционеров, а не учёных. Если вопросы еврейского искусства и затрагивались в научной литературе, то касались они лишь архитектуры позднеантичных синагог в Палестине; изобразительное искусство в них представлено не было [Чаковская, 2011: 20] (хотя некоторые рельефы, на наш взгляд, заслуживают внимания наравне с памятниками иконографии, — таковы, например, рельефы в виде раковины-гребешка в интерьерах синагог).

Историю изучения данного вопроса в XX в. можно разделить на несколько этапов, которые и будут рассмотрены далее. Стоит отметить, что обозначенные ниже периоды еврейской историографии могут быть выделены с определёнными оговорками: наука продолжает развиваться, организованы новые экспедиции к местам раскопок новооткрытых синагог¹. Споры современных исследователей по поводу научного значения очередных археологических открытий обнажают разногласия между учёными, новые работы опровергают выводы предыдущих. Этапы, выделенные ниже, скорее обозначают преобладающую тенденцию в тот или иной период развития науки. Исследовательские труды перечислены хронологически, согласно году издания. В поле моего внимания по-

пали не только работы, непосредственно обращённые к теме иудейской иконографии, но и тексты, помещающие её в более широкий контекст культуры. Мне как автору этого обзора видится очень перспективной идея, суть которой состоит в том, что общества поздней античности существовали не изолированно, но в постоянном взаимодействии. Тем самым иудеи представлены как часть более широкого культурного процесса, пусть и находившаяся нередко в оппозиции к окружающим их религиям и мировоззрениям. Соответственно, иконография конкретной религии — иудаизма — может быть рассмотрена в контексте мировоззренческого диалога (или как минимум конкурентного взаимодействия).

I этап: 1930-е гг. Археологические открытия. Описание еврейского позднеантичного изобразительного искусства археологами

Открытия в 1929 г. синагоги в Бейт-Альфа, а затем, в 1932 г. синагоги в Дура-Европос дали толчок к развитию истории еврейского искусства. Наука столкнулась с чем-то, доселе ей неизвестным. Разумеется, учёные знали о существовании светильников, золоченых донцев с изображением ритуальных предметов: меноры, шофара, лулава, этрога, но данные памятники искусства не подвергались специализированному (например, искусствоведческому) анализу. Знакомство с позднеантичной еврейской живописью и мозаикой, для

¹ Например, в 1993 г. была открыта мозаика в синагоге Сепфориса, а в последние десятилетия было открыто сразу несколько синагог в Нижней Галилее.

учёных разных направлений — археологов, искусствоведов, историков — повлияло на возникновение объёмного поля для выдвижения гипотез о происхождении и моделей интерпретации этих образцов еврейского искусства.

Однако, прежде чем перейти к научно обоснованной интерпретации памятников, для начала необходимо было их грамотно описать. Уже в первой половине XX в. появляются работы учёных-археологов, возглавивших экспедиции в Сирии, Палестине, где освещаются результаты раскопок. Их авторы начинают выдвигать осторожные предположения о роли еврейского искусства в позднеантичном мире. Вот эти работы.

Э.Л. Сукеник «Древняя синагога в Бейт-Альфа: отчёт о раскопках, проведенных от имени Еврейского университета в Иерусалиме» [Sukenic, 1932]), Э.Л. Сукеник «Древние синагоги в Палестине и Греции» [Sukenic, 1934], К. Хопкинс «Открытие Дура-Европос» [Hopkins, 1979]. Небольшие по объёму, эти три книги дали научному сообществу представление о существовании такой области изучения, как иконография поздней античности. В них впервые содержались сведения не только об архитектуре, но и об украшениях интерьера синагог².

Таким образом, первым этапом в изучении еврейского позднеантичного наследия явились дневники раскопок, описания древних синагог Палестины и диаспоры, авторы которых явились зачинателями таких дисциплин, как еврейская археология и еврейское позднеантичное искусствоведение. Для учёных этого периода было очевидно, что результаты раскопок требуют не только описания, но и изучения специалистами в области как минимум истории и искусствоведения.

II этап. 1940-е – 1950 гг. Вопросы о существовании и принадлежности еврейского позднеантичного искусства

Позднее в научном сообществе рождаются вопросы об оценке роли еврейского искусства в поздней античности. Вторая заповедь Закона Моисея гласит: «Не делай себе кумира и никакого изображения того, что на небе вверху, и что на земле внизу, и что в воде ниже земли» (Исх. 20:4). Ввиду этого сам вопрос об истории еврейского искусства представлялся не имеющим большого научного значения, ибо оно считалось «заимствованным» [Olin, 2000: 7]. «Дух времени» по-своему способствовал изменению этих взглядов. На фоне тяжелейших испытаний, выпавших на долю еврейского народа в XX в., открытие великих памятников еврейского позднеантичного искусства стало для образованных евреев подспорьем в борьбе за утверждение гуманистических ценностей, за право на жизнь и свободу. По мысли Маргарет Олин, учёные смогли «брать на вооружение» результаты раскопок и в узком смысле, для утверждения в научном сообществе идеи существования еврейского искусства, и в более широком смысле, с целью интеллектуального противостояния тенденциям фашистского национализма, которые в тот период были «крайне сильны и в научном сообществе» [Olin, 2000: 11].

К области еврейского искусства фрески синагоги Дура-Европос впервые отнёс Кларк Хопкинс, возглавивший франко-американскую археологическую экспедицию в Дура-Европос. Однако современные Хопкинсу учёные не могли разделить его точку зрения, поскольку им казалось немислимым, что еврейское искусство поздней античности обладает собственным

² Следует отметить, что работы издавались не только англоязычными учёными, например, в 1916 г. вышла книга Генриха Кола и Карла Ватцингера «Древние синагоги в Галилее» [Kohl, Watzinger, 1916], в которой была дана классификация синагог согласно их архитектурным особенностям. Следует упомянуть и об италиязычном исследовании, посвящённом раскопкам (1953–1955) некрополя римского периода Dominus Fleuit, в которых исследователи классифицируют описывают могилы и их архитектурные украшения, а также расшифровывают эпитафии [Bagatti, Milik, 1958].

неповторимым почерком и характером. В книге «История искусства», вышедшей в 1950 г., Эрнст Гомбрих пишет: «Скромная стенопись синагоги [Дура-Европос] представляет для нас особый интерес, поскольку сходные тенденции стали утверждаться с распространением пришедшего с востока христианства» [Гомбрих, 1998: 127]. Христианство, по мысли Гомбриха, привлекало искусство себе «на вооружение» с целью распространения своих идей, а еврейская религия, в свою очередь, воспользовалась этой тенденцией. Нетрудно заметить, что данной позицией исследователь показывает вторичность, несамостоятельность иудейского искусства; отвергает возможность существования собственной иудейской философской мысли, выраженной в изображениях. Этот же учёный утверждает, что в той ситуации, в которой находился художник, и не нужно было демонстрировать своё мастерство: чем более правдоподобны были изображения — тем больше грешил художник против запрета на творение изображений [Гомбрих, 1998: 127]. В таком случае возникает вопрос: зачем вообще нужно было нарушать запрет? Зачем демонстрировать то, что запрещено демонстрировать? Однако Гомбриха такая нелогичность в суждениях не останавливает. Для него сосуществование в еврейском религиозном позднеантичном сознании запрета и возможности нарушить этот запрет не представляется чем-то несовместимым.

Ввиду отмеченного выше отрицания собственно иудейского характера фресок Дура-Европос, для исследователей вставал вопрос, к какой же группе в таком случае отнести данный памятник живописи. В «Истории искусства» 1962 г. Хорст Вольдемар Янсон помещает фрески в главу об искусстве Римской Империи [Janson, Janson, 1991: 252–253]. Фредерик Харт (Искусство: История живописи, скульптуры, архитектуры (1976 г.)) [Hartt, 1976: 249–250], Хью

Хонор и Джон Флеминг (Изобразительное искусство: история, (1982 г.) [Honour, Fleming, 1982] относят изображения в синагоге Дура-Европос к раннехристианскому и ранневизантийскому искусству, хотя в изображениях синагоги не подразумевается никакого христианского контекста. Тенденция рассматривать еврейское позднеантичное искусство в качестве статичного предшественника христианского искусства оказалась настолько сильна, что в конце XX в. в книге «Столкновение богов» фреска III в. из Дура-Европос была названа «пред-христианской» [Mathews, 1993: 76]. Наконец, монументальный труд Курта Вайтцмана и Герберта Кесслера назван «Фрески синагоги Дура и христианское искусство», вышедший в 1990 г. [Weitzmann, Kessler, 1990], также показывает стремление исследователей рассматривать данный памятник еврейского искусства в раннехристианской парадигме. Ещё одним примером отрицания «еврейского» характера изображений может служить фраза Герберта Говарта. Он утверждает, что, занимаясь искусством, то есть заимствуя методы и способы иных форм религиозного искусства, еврейские ремесленники утрачивали свою идентичность, «еврейскость»³.

Нетрудно заметить: чем более авторы концентрировали своё внимание на исследовании еврейского позднеантичного изобразительного искусства, тем более очевидным становился для них тот факт, что это искусство самобытное, полноценное и заслуживающее внимания. Те учёные, которые считали дело изучения иконографии позднеантичного иудаизма чем-то маловажным, как правило занимались этими вопросами вскользь, их магистральные научные интересы находились в другой области. И хотя на первом этапе изучения еврейской позднеантичной иконографии преобладающим в научном сообществе оставался скептический взгляд на процесс

³ Howarth H. Jewish Art and the Fear of the Image // Commentary. — 1950. — February. — № 9. — URL: <https://www.commentarymagazine.com/articles/herbert-howarth/jewish-art-and-the-fear-of-the-image-the-escape-from-an-age-old-inhibition/>

становления новой дисциплины, постепенно всё большее число учёных приходит к мысли о необходимости системного подхода к изучению еврейского графического искусства.

III этап.

С 1950-х гг. по настоящее время. Систематическое изучение еврейской позднеантичной иконографии

В этот период утверждается комплексный подход к изучению еврейского позднеантичного изобразительного искусства. Этот подход объединил усилия представителей различных наук: истории, религиоведения, философии, искусствоведения, литературоведения. С приведённой выше оценкой К. Хопкинсом роли фресок синагоги Дура-Европос были солидарны Э.Л. Сукеник, Б. Голдман, Э. Гуденаф — исследователи, детально занимавшиеся вопросами позднеантичного еврейского искусства. В свою очередь, Сесил Рот пишет во введении книги «Еврейское искусство: иллюстрированная история», что собственно Пятикнижие предполагает запрет не *сотворения* изображений, но запрет *поклонения и служения* изображениям, представляющим или заменяющим Бога [Roth, 1961: 17]. Утвердительно отвечая на вопрос, возможно ли в принципе еврейское искусство (несмотря на запрет Закона Моисея), учёный снимает недоумения относительно конкретных живописных произведений, найденных в синагоге Дура-Европос.

Если в первые годы после открытия памятников еврейского изобразительного искусства работ по изучению отдельных аспектов этого искусства было крайне мало (к этим немногочисленным работам можно отнести книги: «Древо Жизни в еврейской иконографии» С. Амейсеновой и В.Ф. Майнланда 1939 г. [Ameisenowa; Mainland, 1939], Х. Розенау «Краткая история еврейского искусства» 1946 г. [Rosenau, 1948], Э. Кон-Винера «Еврейское искусство: его история от истоков до наших дней» 1929 г. [Cohn-Wiener, 1929]), то со временем *искусствоведение иудаизма* утверждает себя как научная дисциплина; вполне серьёзные исследователи посвящают много-

томные труды изучению древних памятников и анализу их роли в культуре.

В частности, классическим исследованием по символике позднеантичного иудаизма является труд Эрвина Гуденафа «Еврейские символы греко-римского периода», издававшийся с 1953 по 1968 гг. В тринадцати томах автор подробно и обстоятельно исследует все имеющиеся на тот момент памятники еврейской живописи, мозаики и архитектуры периода поздней античности. Создание данного текста оказалось важной вехой в истории дисциплины, его нередко называют «азбукой еврейских образов». Нельзя не согласиться: с точки зрения дескриптивных усилий Э. Гуденаф проделал очень нужную и кропотливую работу. Однако религиозно-ведческие выводы, к которым пришёл учёный (например, идея о том, что наравне с языческими символами евреи перенимали и чуждую им религиозность окружающих народов [Goodenough, Neusner, 1988: 189] или мысль о сосуществовании различающихся «иудаизмов»: «раввинистического» и «народного»), оказались ошибочны и в данный момент отвергаются подавляющим большинством представителей научного сообщества [Чаковская, 2011: 48–49].

В свою очередь, в 1966 г. редактор книги К. Хопкинса о раскопках в Дура-Европос Бернар Голдман написал книгу о мозаике пола в синагоге Бейт-Альфа, открытой Э. Сукеником в 1928 г. [Goldman, 1966]. Голдман приходит к выводу, что священный портал был важнейшим символом в еврейском изобразительном и погребальном искусстве, а в образе перехода через дверной проем, арку или высеченную в скале могилу для верующего воплощалась символически полнота жизни, утверждённой в Законе Божиим [Goldman, 1966: 22].

Параллельно продолжают поиски учёными связи еврейской позднеантичной иконографии с христианской. В статье «Еврейские предшественники христианского искусства» Сесил Рот стремился доказать, что у христианского искусства существовали еврейские прототипы, которые послужили образцами для заимствования в последующие эпохи [Roth, 1953: 24–44]. В работе Андре Грабара «Христианская ико-

нография» [Grabar, 1968] на основании изучения фресок синагоги Дура-Европос автор высказывает предположение, что области еврейского и христианского религиозного искусства пересекались. А. Грабар отмечает сходные черты христианской и еврейской иконографии: присутствие символов-объектов (в иудаизме это изображенные предметы культа, в христианстве — символы голубя, якоря, агнца и др.); общая направленность на мессианизм и спасение (только в иудаизме эта направленность выражалась в сценах жизни богоизбранного народа, а в христианстве был сделан акцент на личное спасение); изображение сцен, призванных утешить и укрепить в вере смотрящего [Grabar, 1968: 24–27]. Важно отметить: хотя автор не вполне уверен в своих оценках, он склоняется к мысли, что еврейская религия в области своей иконографии в III в. была прогрессивнее христианской. Грабар связывает это с тем, что иудаизм ранее христианства оказался узаконенной религией и, соответственно, имел большее время для развития. Он рассматривает еврейское искусство как доминирующее в некоторых областях Римской империи, чем объясняется его последующее влияние на развитие христианского искусства.

Признание некоторых аспектов иудейской позднеантичной иконографии в качестве относительно самостоятельных культурных явлений позволяет ряду исследователей осуществить попытку систематизации памятников еврейского изобразительного искусства. С этой целью создаются справочники и энциклопедии еврейского искусства. Некоторые из них перечислены ниже.

Так, в 1961 г. вышел в свет сборник Сесила Рота «Еврейское искусство: иллюстрированная история». В главе «Еврейское изобразительное искусство классического периода» автор данного раздела, Рахиль Вишницер-Бернштейн, анализирует талмудические источники. Сравнивая их свидетельства с археологическими находками,

она приходит к выводу, что к III в. запрет на изображения для иудеев был ослаблен. Период с III по VIII вв. Рахиль Вишницер-Бернштейн называет «классическим периодом еврейского искусства» как в Палестине, так и в диаспоре [Roth, 1961: 193].

В 1973 г. Джозеф Гутманн издаёт сборник «Синагога в Дура-Европос: Переоценка (1932–1972)» [The Dura Europos Synagogue..., 1973]. Этот сборник эссе полностью посвящён синагоге, в Дура-Европос, обнаруженной (ещё раз напомним) в период с 1932 по 1934 гг. Предпринимается попытка дать обзор всех точек зрения относительно живописных находок в синагоге. Авторы статей сборника полемизируют друг с другом (например, М. Ави-Йона опровергает концепцию «мистического иудаизма» Э. Гуденафа), по-разному идентифицируют человеческие фигуры (например, фигуру со свитком рядом с нишей Торы Карл Крэлинг определяет как Ездру, а Р. Вишницер — как Самуила) и т.д. Полагаю, что именно в силу дискуссионного характера данную работу можно квалифицировать в качестве образца научных поисков по выделенной проблеме.

В 1982 г. был издан «Путеводитель по синагогальной архитектуре» М. Чиата [Chiat, 1982]. В краткой форме автор перечисляет особенности иудейских, галилейских, финикийских синагог, сравнивает их между собой на планах и таблицах. Книга важна не только для тех, кто интересуется архитектурой. В ней отмечены датировка, история всех известных на момент написания книги синагог, обнаруженных в обозначенных местностях, описываются мозаики внутри синагог и предметы повседневного обихода, найденные рядом.

1979 г. озаглавлен выходом книги под редакцией известного учёного Курта Вайтцманна «Эпоха духовности: Позднеантичное и раннехристианское искусство с III по VII вв.»⁴. Этот труд является каталогом выставки, которая состоялась с ноября 1977 г. по февраль 1978 г. в музее Метрополитан Нью-Йорка. Область еврейского

⁴ Weitzmann K. Age of spirituality: Late antique and early Christian art, third to seventh century / n K. Weitzman, M.E. Frazer— New York : Metropolitan Museum of Art, 1979. — 735 p.

искусства вынесена в отдельный раздел⁵, в нём приводятся изображения из синагог Дура-Европос, Бет Альфа, Газы, Герасы и из еврейских катакомб в Риме. «Эпоха духовности...» — ценный библиографический источник: здесь дан репрезентативный каталог, а также ссылки на важнейшие работы по еврейскому позднеантичному искусству, вышедшие к 1977 г. Перед нами не просто каталог. Автор одного из разделов израильский историк искусств Бецалель Наркисс даёт обзор и проводит сравнительный анализ памятников искусства (фрески Дура-Европос, мозаики, предметы утилитарно-бытового назначения с изображениями на них иудейскими символами). Он выделяет важнейшие еврейские символы, нашедшие с его точки зрения отражение в изобразительном искусстве.

В книге 1990 г. «Еврейское символическое искусство», написанной Абрамом Каноф [Kanof, 1990], предпринята попытка проследить историю еврейских символов от времен Иерусалимского Храма вплоть до XX в., их роль в жизни народа и в еврейском изобразительном искусстве. Хотя автор книги не был ни историком, ни религиоведом, объём проработанной им информации позволяет поставить данную работу наравне с ключевыми трудами по еврейскому искусствоведению. Этот труд может служить своеобразным маркером интереса к иудейскому искусству среди неспециалистов. Популярное изложение фактов и увлекательно преподнесённый анализ археологических данных смогли привлечь интерес большего числа людей, интересовавшихся проблемами иконографии иудаизма.

Особую важность для развития историографии позднеантичного иудаизма сыграли также работы Ли Левина «Галилея в поздней античности» [The Galilee in Late Antiquity, 1992] и «Иудаизм и эллинизм в античности: конфликт или пересечение?» [Levine, 1999]. Первая книга даёт очерк жизни еврейского общества в поздней ан-

тичности в Галилее и раскрывает, каким было отношение евреев к правлению римской власти, отношения между городом и деревней, воспроизводит социально-экономическую картину жизни общества и прочее. Данный труд может быть полезен при исследовании мозаичной живописи синагог на территории Палестины. Основной идеей второй упомянутой работы Ли Левина является способность иудеев приспосабливаться к нееврейскому окружению, сохраняя при этом свою идентичность.

Ещё одной важной фигурой в исследовании иконографии позднеантичного иудаизма этого периода является Стивен Файн. Его труды «Евреи, христиане и политеисты в античной синагоге» [Fine, 1999], каталог выставки в Музее университета Эшивы «Священное царство: возникновение синагоги в античном мире»⁶ посвящены главным образом месту евреев и их творчества в позднеантичном обществе, а также соотношению еврейской религии в периоде возникновения синагоги с христианской и римской.

Полагаю, можно условно выделить два основных направления исследования еврейской позднеантичной иконографии, оформившихся в последней четверти XX в.:

- **«внешний» вектор** исследования заключается в рассмотрении контекста существовавшей религиозной и социально-политической картины жизни евреев в Риме и провинциях, их положения в обществе, в зависимости от чего предположительно формировались мотивы синагогальной мозаики и живописи. Учёные, работавшие в этом направлении в XX в. — С. Файн, Л. Левин, К. Вайтцманн, С. Рот;

- **«внутренний» вектор** исследования состоит в том, что еврейские символы рассматриваются с точки зрения иудаизма, талмудических источников, Библии, иудейской ритуалистики. К исследователям этого направления можно отнести Б. Голдмана, Э. Гуденафа, Дж. Гутманна, А. Канофа, Г. Ксеравица.

⁵ Ibid, pp. 366–395

⁶ Fine S. Sacred Realm: The Emergence of the Synagogue in the Ancient World. — New York : Oxford University Press, 1996. — xix, 203 p.

Считаю также, что уместно предположить: оба этих направления могут в известных пределах дополнять друг друга. В системном и комплексном исследовании, целью которого является стремление более полно восстановить картину существовавших в еврейской позднеантичной иконографии символов, имеет смысл соотнести между собой выводы, полученные в рамках разных подходов. И, возможно, даже попытаться привести их «к общему знаменателю», «одобряя» одни и отвергая другие предположения. Именно такую работу, согласно моим наблюдениям, ведут представители научного сообщества на Западе, где сегодня имеет место не просто некая дескрипция новых открытий на фоне стремления вписать их в уже сложившиеся подходы, но и заметно активизировались научные дискуссии, в том числе — по нерешённым пока вопросам. Последнее выражается в росте числа научных мероприятий по проблематике позднеантичного иудаизма, а также росте числа научных публикаций с широкой международной коллаборацией. Наиболее значимые работы, вышедшие в свет в XXI в., и проблемы, обозначенные в них, будут перечислены ниже.

Интересной для развития историографии позднеантичного иудаизма и в своём роде прорывной статьёй является работа Яса Элснера «Археология и повестки дня: размышления относительно позднеантичного иудейского искусства и раннехристианского искусства», вышедшая в 2003 г. [Elsner, 2003]. Взгляды, высказанные в данном исследовании, на сегодняшний день являются общим местом, их поддерживают многие учёные (что будет показано ниже в комментариях к работе 2020 г.) Элснер подчёркивает: мы не можем рассматривать «иудейское» или «христианское» искусство как некие цельные, монолитные категории истории искусства, поскольку такое разделение предполагает обособленность, отделимость иудеев и христиан от их греко-римского окружения, чего быть не могло. Таким образом Элснер последовательно критикует модели «выведения» христианского искусства из иудейского и иудейского из христианского, а также модель ориентализма Стшиговского и основанную на

его модели и лишённую квази-нацистских воззрений позицию Р. Хашлили [Elsner, 2003: 124]. Ответом на его критику могло бы быть утверждение, что особые символы (крест и рыба в христианстве, менора в иудаизме) могли приобрести значение культовой принадлежности для отдельных религиозных групп на локальном уровне. Однако мы не можем обобщить их в системы с ярлыком «иудаизм» или «христианство» по меньшей мере вплоть до конца IV в. Более того, данные символы не могли использоваться аналогично или означать то же самое в ином сообществе этого периода.

Автор предлагает альтернативную модель взгляда на иудейское искусство поздней античности, встраивая его в мультикультурную среду огромного разнообразия религий Римской империи. Модель Элснера тем самым встраивает иудейское и христианское искусство в спектр широкого диапазона греко-римских религий, уравнивая их с искусством Митраизма или культа Исиды [Elsner, 2003: 125–126]. Преимуществом такого подхода является то, что ни одна религия не рассматривается изолированно от других. Это позволяет видеть смыслы, которые художники, возможно, вкладывали с целью полемики или коммуникации с иными формами верований. Взаимосвязанная цепь религиозных верований, структурированная противостоянием многих из них (хотя и эти культы имели множество общего), усложняется тем, что ни одна из религий не имела универсальную монолитную ортодоксию [Elsner, 2003: 126.]: внутри группы приверженцев той или иной религии мы встречаем различные культовые традиции и верования, но искусство этих отдельных групп вполне может иметь сходные черты.

В работе «Перестройка постклассического города. Дура-Европос, Гераса, Иерусалим и Равенна», изданной в 1995 г., Аннабель Джейн Уортон сравнивает места поклонения в Дура-Европос, Герасе, Иерусалиме и Равенне в период III–VI вв. [Wharton, 1995]. Она подчёркивает, что её взгляд отличается от подхода историков искусства, которые (с её точки зрения) уделяют слишком мало внимания конкретным творениям тех или иных периодов в угоду устоявшемуся

взгляду, и предлагает новую интерпретацию «доступного для понимания» прошлого. Новации Уортон касаются в том числе и терминологии, поскольку она пытается сблизить рассматриваемый ею «постклассический» период с текущим периодом постмодерна. При этом в её исследовании наравне с историей искусства учтены также религиозный (и, в частности, литургический), политический и социальный аспекты истории культуры. Уортон выдвигает тезис о наличии в городах конкуренции религиозных общин, стремящихся утвердить своё превосходство: в Дура-Европос, например, конкуренция осуществляется между храмом Бэла, синагогой и христианским баптистерием. Уортон сравнивает здания конкурирующих религиозных групп, сопоставляет религиозные церемонии в связи с их пространственным воплощением и его восприятием верующими. Например, в Герасе разница восприятия священного места прослежена путём сравнения храма Артемиды, удобного для зрительного восприятия, и христианской церковью, где восприятие основано на телесном присутствии, «тактильности». В своих обобщениях автор идёт ещё дальше — в книге противопоставлены западный, «зрительный», обряд и восточный, «тактильный», сосредоточенный на восприятии телесности. Интересно, что в научном сообществе работа Уортон была воспринята неоднозначно [Mathews, 1998: 281–282]. Тем не менее, предложенный в исследовании подход к истории искусства этого времени позволяет отойти от установившихся в науке терминологических клише и связанных с ними однозначных коннотаций и перейти к более глубокому философскому прочтению категорий религии. Подобный подход, разумеется, не является панацеей; однако он даёт возможность глубже исследовать историю религий вообще и религиозного искусства в частности.

Полезным для понимания проблематики специфики позднеантичного иудаизма ввиду масштаба проанализированного материала является труд Рейчел Хашлили «Древние мозаичные покрытия: темы, проблемы и тренды», вышедший в 2009 г. [Nachtli, 2009]. Данное сочинение посвя-

щено исследованию доступных памятников мозаичного искусства на территории Палестины. Фокус внимания автора приходится на период с IV по VIII вв.; акцент сделан на главных темах и проблемах искусства этого периода. Уточняя значение изучаемого материала, автор создаёт иконографический словарь мозаичного искусства, отмечает характерные для него темы и акцентирует отличия мозаики в синагогах и церквях. Это — настоящий реестр мозаик, существовавших вплоть до VIII в. на территории Палестины и открытых ко времени написания книги. При анализе каждого изображенного элемента автор подробно останавливается на мельчайших нюансах: например, на особенностях исполнения основания меноры, на направлении её свечей и т.д. Р. Хашлили исходит из предпосылки, что украшение религиозных зданий было обусловлено стремлением произвести впечатление на верующих, а также «продемонстрировать силу через символы и мотивы». Особенно интересна глава XI, в которой сравниваются украшения синагог и церквей. Здесь автор отмечает сходства религиозных декораций, и различия, вызванные разными воззрениями на сакральные символы.

В свою очередь, в книге «Визуальный иудаизм в поздней античности: исторический контекст иудейского искусства» [Levine, 2012]. Ли Левин пытается последовательно выстроить историю искусства израильского народа, начиная с железного века вплоть до эпохи Византийской империи. Одна из частей этого сочинения посвящена соотношению искусства с различными сторонами жизни иудеев. Таковы темы отношения раввинов и аристократии к искусству, проблема понимания искусства как отражения общности в иудейской среде, вопрос соотношения еврейской идентичности и искусства и др.

Ли Левин выделяет искусство синагоги Хаммат-Тибериас и некрополя в Бет-Шеарим как выражение стремлений кругов знати, живших в Тверии, украшать значимые места изображением религиозных символов. С его точки зрения, именно эта культурная прослойка общества заимствовала из греко-римской культуры тему зодиакаль-

ного круга и Гелиоса. Затем, полагает он, и другие иудейские общины последовали примеру элиты Тверии: стали украшать этой символикой свои дома собраний. Несмотря на несомненные достоинства данного труда, не все выводы Левина получили признание научного сообщества. Например, оспаривается дихотомия «раввинистического» и «не-раввинистического» иудаизма (в настоящее время ряд исследователей считает, что такое разделение является продуктом более поздней эпохи [Fine, 2013a]).

В книге Стивена Файна 2013 г. «Искусство, история и историография иудаизма в Римской Античности» [Fine, 2013b] автор обсуждает памятники искусства с I по VIII вв. в их историческом и литературном контексте. Параллельно Файн как бы переворачивает исследовательскую призму и рассматривает раввинистические тексты с позиций искусства. Он детально исследует историографию каждого предмета, попавшего в поле его научного внимания, касаясь множества казалось бы частных проблем, — таких, как идентификация Гелиоса в мозаиках позднеантичных синагог, вера иудеев в воскрешение мертвых, цвет статуй и его значение в искусстве иудаизма. Однако подобные «частности» в данном случае составляют тот конкретный материал, без которого исследование могло бы утонуть в море ни к чему не обязывающих обобщений. Интересна также критика Файном историографических теорий. Он признает, что часто теории продолжают своё существование несмотря на отсутствие достаточных доказательств, и высказывает предположение, что причина данного явления состоит в том, что теории историографов часто основаны не столько на фактах, сколько на паттернах той социокультурной среды, из которой происходят эти самые учёные. В этой связи он, например, критикует различие понятий «синагоги» и «дома обучения», и, соответственно, «неравинистического» и «раввинистического» иудаизмов, считая такое разграничение не соответствующим историческим свидетельствам.

В книге «Мозаики веры: мозаичные полы язычников, евреев, самаритян, хри-

стиан и мусульман на Святой Земле» [Talgam, 2014] Рина Талгам анализирует мозаики, появившиеся на территориях современного Израиля и Иордании в промежуток времени от до-римских времён и вплоть до мусульманского завоевания этих земель. Как следует из названия, автор явно расширила круг решаемых задач по сравнению с упомянутым выше трудом Р. Хашлили, дополнив их изучением языческих, самарянских и мусульманских артефактов, связанных с покрытиями пола. Талгам приходит к выводу, что иудеи обладали разработанной иконографией, но при этом у них не было *необходимости отличать* какими-либо стилистическими особенностями. В данной книге проведён обзор археологических данных, который убедительно показывает, что все религиозные группы взаимодействовали друг с другом в мультикультурном обществе поздней античности. В частности, автор прослеживает сходства и различия между синагогой, храмом и мечетью для определения топосов Рая, Сиона и Неба. Все аспекты мозаичного искусства на Святой Земле в упомянутый период времени тщательно описываются и исследуются. Талгам отвечает на вопрос о повторяющихся символах в мозаичном искусстве, опровергая тезис Э. Гудэнафа о «нейтрализации» значений таких символов и «низведении» их до единственного значения — святости, оставляя контексту и мнению решение об их значимости в рамках конкретной культуры. Р. Талгам, однако, считает маловероятным, что символы классической культуры теряют свою священную силу. Автор старается отслеживать кросс-культурные пересечения в «идеях» и их материальном воплощении.

В сборнике научных докладов «Иудейское искусство в его позднеантичном контексте», изданном в 2016 г. [Jewish art ..., 2016], под одной обложкой объединены работы значимых исследователей иудейского позднеантичного искусства настоящего времени: Р. Талгам, Р. Хашлили, Л. Левина и др. Статьи распределены по разделам: развитие иудейского искусства в римский и византийский периоды, мозаики синагог, символы и иконография, соотношение иу-

дейского и христианского искусства. Редакторы считают, что религиозная и культурная значимость иудейской образности и её использование должны быть исследованы внутри контекста римской и византийской религии, литературы и искусства. Такой подход позволит определить «возможные ассоциации и значения» среди иудеев и христиан. Среди основных проблем, встающих перед исследователем иудейского искусства поздней античности, редакторы называют: критерий определения «иудейского» характера предметов искусства, соотношение римского и эллинистического языка образности с иудейским искусством, «высокое» и «низкое» искусство в Римской империи, единство взглядов самих иудеев в понимании их образов и символов. Авторы солидаризируются с тезисом о множественности существовавших параллельно интерпретаций религиозной образности иудеев.

В данном обзоре необходимо также выделить два исследования, вышедшие в 2020 г. и в свою очередь сосредоточенные на обзоре археологических открытий, случившихся в последние десятилетия. Первое — сборник «Синагога в Древней Палестине: текущие проблемы и возникающие тенденции», — рассматривает главным образом позднеантичные синагоги Земли Израильской [The Synagogue in Ancient Palestine, 2020]. Редакторы сборника отмечают, что в настоящее время учёные более осторожно, чем ранее, определяют контекст возникновения синагоги и события, повлиявшие на развитие этого института. Открытые в последние десятилетия древние синагоги Нижней Галилеи — в Магдале, на месте деревни Хукок, в Хирбет Вади Хамам и Хорват Кур — дают возможность прояснить такие вопросы, как датировка, архитектура и типология античных синагог [The Synagogue in Ancient Palestine, 2020: 7–8.]. Из перечисленных выше синагог в трёх были найдены мозаики. Авторы прослеживают, каким образом новые археологические открытия изменили взгляд исследователей на принятую типологию и датировку синагог, а также на историю иудейских общин в IV–V вв. н.э. Так, сегодня большинство учёных отвергает мнение, согласно которому

после правления императора Константина иудаизм пришёл в упадок. Рост урбанизации в центрах иудейской культуры и образования, полагают они, способствовал постройке больших и богато украшенных синагог в деревнях [The Synagogue in Ancient Palestine, 2020: 11]. В данном труде также намечен новый вектор будущих исследований синагоги с точки зрения концепции «живой религии» Мередит Макгуайр. Исследования, основанные на этих идеях, по мнению авторов книги должны анализировать археологические данные с точки зрения того, каким образом члены общины ощущали, чувствовали, получали опыт, вовлекались в пространство синагоги; какую роль играли синагоги в жизни поселений. Подход с точки зрения «материальной религии» и «живой религии» назван здесь наиболее перспективным.

Во втором сборнике научных статей 2020 г. — «Синагоги в эллинистическом и раннем периоде Римской Империи: археологические находки, новые методы, новые теории» — авторы наравне с палестинскими исследуют также синагоги Делоса, Дура-Европос и здания на территории Малой Азии. [Synagogues in the Hellenistic and Roman Periods, 2020]. В данной работе, сосредоточенной в основном на смежных по отношению к позднеантичной иконографии областях, тем не менее присутствуют научные статьи, посвящённые анализу мозаичных панно в синагогах Нижней Галилеи. Есть также целая глава с исследованием одеяния персонажей фресок синагоги Дура-Европос.

Наиболее «свежей» на сегодняшний день работой по заявленной теме является, по-видимому, статья Эрика Мурмана «Фрески синагоги Дура-Европос как выражение римского койне», вышедшая в книге «Принципы декора в Римском Мире» [Moorman, 2021]. Её автор обсуждает проблему изолированности фресок синагоги, которые до этого рассматривались как уникальный вид религиозного декора. Э. Мурман считает, что община Дура-Европос избрала для себя вид украшения синагоги, который к III в. стал общепринятым в Римской империи. «Патроны и покровители» отобрали сюжетный ряд фресковых

композиций, обладавших набором качеств, характерных и для «языческого» искусства данного периода. Например, сцены жертвоприношения в синагоге, по мысли автора, должны были демонстрировать те же качества, что и изображения сакральной жертвы в нееврейской среде: религиозный обет, благочестие и преданность. Таким образом, фрески синагоги Дура-Европос с его точки зрения являются частью греко-римского культурного *койне* («смешанного» языка) поздней античности.

Как видим, менее чем за век изучение еврейской позднеантичной иконографии прошло путь от «краевой» дисциплины (лишённой поначалу научного признания) до полноценной области научного знания. Со временем росло число исследований по различным вопросам еврейского искусства периода становления синагог. Тем не менее, несмотря на возросший интерес научного сообщества, рано говорить об исчерпанности исследовательских задач. Напротив, можно утверждать, что к концу XX в. дисциплина вступила в период своего расцвета, активно развивается она и сегодня: продолжаются раскопки новооткрытых синагог, издаются труды по итогам их археологического изучения [Excavations at ancient Nabratein, 2009; Matassa, 2018], привлекаются исследователи различных областей научного знания для издания книг и составления сборников, рассматривающих памятники еврейского искусства в контексте их возникновения [Runesson, 2001; Runesson, Binder, Olsson, 2008; Hachlili, 2013; Jewish art..., 2018; Cohen, 2018; Stern, 2018], проводятся международные научные конференции, тем или иным образом затрагивающие вопросы еврейского синагогального искусства⁷.

Ситуация в отечественной науке

Представленный выше интерес англоязычного научного сообщества к рассматри-

ваемой проблематике резко контрастирует с почти полным отсутствием освещения её в русскоязычной науке. Вплоть до последнего десятилетия иудейское позднеантичное искусство в отечественной науке упоминалось крайне редко. В качестве одного из исключений можно назвать главу сборника трудов востоковеда Н.В. Пигулевской, «Ближний Восток, Византия, славяне», в которой описывается Месопотамия в эллинистическую и парфянскую эпохи. Отдельная часть исследования посвящена крепости Дура-Европос. Автор описывает социальную и политическую жизнь в городе со времен Селевкидов и вплоть до прихода к власти Сасанидов. Данный очерк, однако, лишь косвенно затрагивает иудейское искусство в городе. Тем не менее, он даёт ценный материал для понимания взаимодействия идей различных этносов и религий в пространстве одного поселения [Пигулевская, 1976: 89–94]. Ещё один пример косвенного затрагивания темы иудейского позднеантичного искусства мы встречаем в книге «История византийской живописи» искусствоведа В.Н. Лазарева [Лазарев, 1986]. Автор называет стиль фресок синагоги Дура-Европос «примитивным «варварским» вариантом восточнохристианского искусства [Лазарев, 1986: 28.]. В качестве иных образцов иудейского искусства В.Н. Лазарев также упоминает изображения в катакомбах Рима и мозаики с библейскими сценами, однако подробно на их рассмотрении он не останавливается. Фрески Дура-Европос упоминаются также в сборнике статей А.Н. Овчинникова «Символика христианского искусства» [Овчинников, 1999], где автор использует их в качестве примеров, иллюстрирующих тот или иной тезис относительно христианской иконографии.

Историки Г.М. Бонгард-Левин и Ю.Н. Литвиненко, стремясь ознакомить русскоязычного читателя с жизнеописанием и работами выдающегося учёного

⁷ Напр. 17-й конгресс по иудейским исследованиям. — URL: <https://www.jewish-studies.org/17-congress-program/>; конференция «Синагога в Древней Палестине. Текущие проблемы и новые тенденции», проходившая в Хельсинки в 2016 г. — URL: <https://blogs.helsinki.fi/sacredtexts/2016/05/27/conference-program-the-synagogue-in-ancient-palentine-helsinki-sept-21-24-2016/> и др.].

М.И. Ростовцева, работавшего на раскопках в Дура-Европос, издали книги «Скифский роман» и «Парфянский выстрел». Первая книга излагает биографию М.И. Ростовцева [Скифский роман, 1997]; значительная часть последней посвящена изложению истории и итогов археологических экспедиций 1928–1937 гг. [Парфянский выстрел, 2003]. Эти книги — практически единственные труды на русском языке, освещающие деятельность М.И. Ростовцева в сфере археологии позднеантичного иудаизма и его искусства.

Таким образом можно сделать вывод, что в отечественной литературе внимание искусствоведов и историков к вопросам позднеантичного иудейского искусства было довольно скудным. Связанные с ним вопросы рассматривались «по касательной» и как бы вскользь, описание иудейского искусства встраивалось в изучение христианской иконографии или общественно-политического строя той или иной историко-географической области. При этом повышенный исследовательский интерес наблюдался лишь к фрескам синагоги Дура-Европос, прочие мозаичные панно в палестинских синагогах едва упоминаются. На этом фоне большую значимость имеет монография Л.С. Чаковской «Воплощенная память о Храме: художественный мир синагог Святой Земли III–VI в. н.э.» [Чаковская, 2011], которая открывает для русскоязычного читателя возможность ознакомиться с историей исследований культуры позднеантичного иудаизма. В книге впервые в русскоязычной литературе произведено не просто описание мозаик Галилеи, но и определение иконографического канона иудаизма этого периода. К сожалению, труд Л.С. Чаковской является единственным знакомым автору фундаментальным исследо-

ванием в русскоязычной науке по данной проблематике.

Заключение

Итак, тема иконографии позднеантичного иудаизма является предметом интереса многих исследователей из разных областей науки: археологов, историков, искусствоведов. Этот интерес показывает, насколько важен комплексный подход к данному предмету. В самом деле, необходимо изучать политическую обстановку на территории областей Римской Империи, где создавались в тот или иной период памятники иудейского искусства; выяснять, какие взаимоотношения бытовали между иудейской общиной в том или ином городе и христианами или язычниками; устанавливать связи между мозаиками иудейских синагог и мозаиками в домах богатых граждан Римской Империи и публичных местах, а также с мозаиками раннехристианских базилик и т.д. Соответственно, для дальнейших исследований, в том числе и в русскоязычном научном сообществе, требуется привлечение различных источников по упомянутым смежным темам, дающим широкий социокультурный контекст изучаемых процессов. В противном случае специализированные исследования могут оказаться изучением слона в пресловутой притче, когда слепые мудрецы, не видя целого, очень подробно описывали никак не складывающиеся в целое отдельные части. Представленные в данной статье периодизация развития иконографии позднеантичного иудаизма, а также классификация направлений её исследования, сложившихся на сегодняшний день в зарубежной науке, открывает дополнительные возможности научного изучения данного предмета. В том числе, и на отечественной почве.

Список литературы:

- Чаковская Л.С. Воплощенная память о Храме: художественный мир синагог Святой Земли III–VI в. н.э. — Москва : Индрик, 2011. — 368 с.
- Sukenik E. Ancient Synagogues in Palestine and Greece. — London : Oxford University Press, 1934. — 90 p.

Sukenik E. *The Ancient Synagogue of Beth Alpha. An Account of the Excavations conducted on behalf of the Hebrew University, Jerusalem.* — Jerusalem, 1932. — 58 p.

Hopkins C. *The Discovery of Dura-Europos* / Ed. by B. Goldman.. — London, 1979. — 336 p.

Kohl H. *Antike Synagogen in Galilaea* / H. Kohl, C. Watzinger. — Leipzig : J. C. Heinrichs'che Buchhandlung, 1916. — 231 p.

Bagatti P.B. *Gli scaui del «Dominus Fleuit» (Monte Oliveto-Gerusalemme). I: La necropoli del periodo romano* / P.B. Bagatti, J.T. Milik. — Gerusalemme : Tip. dei PP. Francescani, 1958. — 187 p.

Olin M. «Early Christian Synagogues» and «Jewish Art Historians»: *The Discovery of the Synagogue of Dura-Europos.* // *Marburger Jahrbuch für Kunstwissenschaft.* — 2000. — Vol. 27. — Pp. 7–28. — DOI: 10.2307/1348714.

Гомбрих Э. *История искусства.* — Москва : АСТ, 1998. — 688 с.

Janson H. W. *History of art* / ed. by A. F. Janson. — New York : Abrams, 1991. — 856 p.

Hartt F. *Art: A History of Painting, Sculpture, Architecture* : in 2 vol. Vol 1. *Magic, form and fantasy; The Ancient World; and the Middle Ages.* — New York: Abrams, 1976. — 468 p.

Honour H. *The Visual Arts — a History* / H. Honour, J. Fleming. — Englewood Cliffs, N.J. : Prentice-Hall, 1982. — 639 p.

Mathews T.F. *Clash of Gods: A Reinterpretation of Early Christian Art.* — Princeton : Princeton University Press, 1993. — 208 p.

Weitzmann K. *The Frescoes of the Dura Synagogue and Christian Art* / K. Weitzmann, H. Kessler. — Washington : Dumbarton Oaks Research Library and Collection, 1990. — 202 p.

Roth C. *Jewish Art: An Illustrated History.* — New York : McGraw-Hill, 1961. — 971 p.

Ameisenowa Z., Mainland W. F. *The Tree of Life in Jewish Iconography* // *Journal of the Warburg Institute.* — 1939. — Vol. 2. № 4. — Pp. 326–345. — DOI: 10.2307/750042.

Rosenau H. *A Short History of Jewish Art.* — London : J. Clarke & co., 1948. — 78 p.

Cohn-Wiener E. *Die jüdische Kunst: Ihre Geschichte von den Anfängen bis zur Gegenwart.* — Berlin : M. Wasservogel, 1929. — 267 p.

Goodenough E.R. *Jewish symbols in Greco-Roman period. Abridged edition* / ed. by J. Neusner. — Princeton : Princeton University Press, 1988. — 377 p.

Goldman B. *The Sacred Portal: a Primary Symbol in Ancient Judaic Art.* — Detroit : Wayne State University Press, 1966. — 215 p.

Roth C. *Jewish Antecedents of Christian Art* // *Journal of the Warburg and Courtauld Institutes.* — 1953. — Vol. 16. № 1/2. — Pp. 24–44. — DOI: 10.2307/750225.

Grabar A. *Christian Iconography: A Study of its Origins.* — Princeton : Princeton University Press. 1968. — 174 p.

The Dura Europos Synagogue: A Re-evaluation (1932–1972) / Ed. by J. Gutmann. — Chambersburg : American Academy of Religion and Society of Biblical Literature, 1973. — 234 p.

Chiat M.J.S. *Handbook of Synagogue Architecture.* — Chico, Calif. : Scholars Press, 1982. — xii, 404 p.

Kanof A. *Jewish Symbolic Art.* — Jerusalem : Gefen ; N.Y., U.S.A. : Gefen Books. 1990. — 112 p.

The Galilee in Late Antiquity / Ed. by Levine L. — New York ; Jerusalem : The Jewish Theological Seminary of America ; Cambridge Mass. ; London : Harvard Univ. Press, 1992. — XXIII, 410 p.

Levine L. *Judaism and Hellenism in Antiquity: Conflict or Confluence?* — Peabody : Hendrickson Publishers, 1999. — xiii, 227 p.

Fine S. *Jews, Christians and Polytheists in the Ancient Synagogue: Cultural Interaction during the Greco-Roman Period.* — London ; New York : Routledge, 1999. — xviii, 253 p.

Elsner J. *Archaeologies and Agendas: Reflections on Late Ancient Jewish Art and Early Christian Art* // *Journal of Roman Studies.* — 2003. — Vol. 93 — Pp. 114–128. — DOI: 10.2307/3184641.

Wharton A.J. *Refiguring the Post Classical City. Dura Europos, Jerash, Jerusalem and Ravenna.* — Cambridge : Cambridge University Press, 1995. — XVI, 238 p.

Mathews T.F. *Refiguring the Post Classical City: Dura Europos, Jerash, Jerusalem and Ravenna.* Annabel Jane Wharton // *Speculum.* — 1998. — Vol. 73, № 1. — Pp. 279–282. — DOI: 10.2307/2886959.

- Hachlili, R. *Ancient Mosaic Pavements. Themes, Issues and Trends : Selected Studies.* — Leiden ; Boston : Brill, 2009. — xxviii, 317 p.
- Levine L.I. *Visual Judaism in Late Antiquity: Historical Contexts of Jewish Art.* — New Haven ; London : Yale University Press, 2012. — x, 582 p.
- Fine S. *Visual Judaism in Late Antiquity: Historical Contexts of Jewish Art*, written by Lee I. Levine // *IMAGES.* — 2013a.— Vol. 7, № 1. — Pp.119–120. — DOI: 10.1163/18718000-12340020.
- Fine S. *Art, History, and the Historiography of Judaism in Roman Antiquity.* — Boston: Leiden ; Brill, 2013b. — 234 p. — DOI: 10.1163/9789004238176.
- Talgam R. *Mosaics of Faith: Floors of Pagans, Jews, Samaritans, Christians and Muslims in the Holy Land.* — Jerusalem, Israel : Yad Ben-Zvi Press ; University Park, Pennsylvania : The Pennsylvania State University Press, 2014. — xvi, 579 p.
- Jewish art in its Late Antique context / Ed. by U. Leibner, C. Hezser.* — Tübingen : Mohr Siebeck, 2016. — ix, 381 p.
- The Synagogue in Ancient Palestine: Current Issues and Emerging Trends. / Ed. by R. Bonnie, R. Hakola, U. Tervahauta.* — Göttingen : Vandenhoeck & Ruprecht, 2020. — 512 p.
- Synagogues in the Hellenistic and Roman Periods: Archaeological Finds, New Methods, New Theories / Ed. by L. Doering, A.R. Krause.* — Göttingen : Vandenhoeck & Ruprecht, 2020. — 432 p.
- Moorman E.M. *The Murals of the Synagogue at Dura Europos as an Expression of Roman Koine // Principles of Decoration in the Roman World.* — Berlin ; Boston : De Gruyter, 2021. — Pp. 141–162. — DOI: 10.1515/9783110732139-009.
- Excavations at ancient Nabratein: Synagogue and Environs / E.M. Meyers, C.L. Meyers, G. Bijovsky [et al.].* — Winona Lake : Eisenbrauns, 2009. — xx, 470 p.
- Matassa, L. *The Invention of the First-Century Synagogue: A Critical Examination of the Archaeological Evidence. / Ed. by Silverman J. M., Watson J. M.* — Atlanta : Society of Biblical Literature, 2018. — xxi, 264 p.
- Runesson A. *The Origins of the Synagogue. A Socio-Historical Study.* — Stockholm : Almqvist & Wiskell, 2001. — 573 p.
- Runesson A. *The Ancient Synagogue from its Origins to 200 C.E. : a Source Book / A. Runesson, D.D. Binder, B. Olsson.* — Leiden ; Boston : Brill, 2008. — X, 327, p.
- Hachlili R. *Ancient Synagogues — Archaeology and Art: New Discoveries and Current Research.* — Leiden ; Boston : Brill, 2013. — xxxiv, 738 p.
- Cohen R.L. *The Jews in Late Antiquity.* — Leeds : Arc Humanities Press, 2018. — 106 p.
- Stern K.B. *Writing on the wall: Graffiti and the forgotten Jews of Antiquity.* — Princeton : Princeton University Press, 2018. — xxiii, 283 p.
- Пигулевская Н.В. *Ближний восток, Византия, славяне.* — Ленинград : Наука, 1976. — 240 с.
- Лазарев В.Н. *История византийской живописи.* — Москва : Искусство, 1986. — 329 с.
- Овчинников А.Н. *Символика христианского искусства.* — Москва : Родник, 1999. — 520 с.
- Скифский роман / Под общ. ред. Г. М. Бонгард-Левина.* — Москва : РОССПЭН, 1997. — 623 с.
- Парфянский выстрел / Под ред. Бонгард-Левина Г.М., Литвиненко Ю.Н.* Москва : РОССПЭН, 2003. — 759 с.

References:

- Chakovskaya, L. S. (2011) *Voploschennaya pamyat o Hrame: hudozhestvennyy mir sinagog Svyatoy Zemli III–VI v. n.e. [Incarnate Memory of the Temple: The Artistic World of the Synagogues of the Holy Land III–VI. Centuries c.e.]*. Moscow: Indrik Publ. (In Russian).
- Sukenik, E. L. (1934) *Ancient Synagogues in Palestine and Greece*. London: Oxford University Press.
- Sukenik, E. L. (1932) *The Ancient Synagogue of Beth Alpha : an Account of the Excavations conducted on behalf of the Hebrew University, Jerusalem*. Jerusalem: University Press.

- Hopkins, C. (1979) *The Discovery of Dura-Europos*. Edited by B. Goldman. New Haven; London: Yale University Press.
- Kohl, H. and Watzinger, C. (1916) *Antike Synagogen in Galilaea*. Leipzig: J. C. Heinrichs'che Buchhandlung.
- Bagatti, P. B. and Milik, J. T. (1958) *Gli scavi del 'Dominus flevit' (Monte Oliveto - Gerusalemme)*. 1 La necropoli del periodo Romano. Gerusalemme: Tip. dei PP. Francescani.
- Olin, M. (2000) 'Early Christian Synagogues and Jewish Art Historians. The Discovery of the Synagogue of Dura-Europos', *Marburger Jahrbuch für Kunstwissenschaft*, 27, p. 7-28. doi: 10.2307/1348714.
- Gombrich, E. H. (1995) *The Story of Art*. London: Phaidon Press Limited. (Russ.ed.: (1998) *Istoriiia iskusstva*. Moscow: AST Publ.).
- Janson, H. W. and Janson, A. F. (1991) *History of Art*. New York: Abrams.
- Hartt, F. (1976) *Art : a History of Painting, Sculpture, and Architecture: in 2 vol. Vol 1. Magic, form and fantasy; The Ancient World; and the Middle Ages*. New York: Abrams.
- Honour, H. and Fleming, J. (1982) *The Visual Arts : a History*. Englewood Cliffs, N.J.: Prentice-Hall.
- Mathews, T. F. (1993) *Clash of Gods : a Reinterpretation of early Christian art*. Princeton, N.J.: Princeton University Press.
- Weitzmann, K. and Kessler, H. L. (1990) *The Frescoes of the Dura Synagogue and Christian Art*. Washington, D.C.: Dumbarton Oaks.
- Roth, C. (1961) *Jewish Art : an Illustrated History*. New York: McGraw-Hill.
- Ameisenowa, Z. and Mainland, W. F. (1939) 'The Tree of Life in Jewish Iconography', *Journal of the Warburg Institute*, 2(4), pp. 326-345. doi: 10.2307/750042.
- Rosenau, H. (1948) *A Short History of Jewish Art*. London: J. Clarke & co.
- Cohn-Wiener, E. (1929) *Die jüdische Kunst ihre Geschichte von den Anfängen bis zur Gegenwart*. Berlin: M. Wasservogel
- Goodenough, E. R. and Neusner, J. (1988) *Jewish Symbols in the Greco-Roman Period*. Princeton, N.J.: Princeton University Press.
- Goldman, B. (1966) *The Sacred Portal : a Primary Symbol in Ancient Judaic Art*. Detroit: Wayne State University Press.
- Roth, C. (1953) 'Jewish Antecedents of Christian Art', *Journal of the Warburg and Courtauld Institutes*, 16(1/2), pp. 24-44. doi: 10.2307/750225.
- Grabar, A. (1968) *Christian Iconography : a Study of its Origins*. Princeton: Princeton University Press.
- Gutmann, J. (ed.) (1973) *The Dura-Europos Synagogue: A Re-evaluation (1932-1972)*. Chambersburg: American Academy of Religion and Society of Biblical Literature.
- Chiat, M. J. S. (1982) *Handbook of Synagogue Architecture*. Chico, Calif.: Scholars Press.
- Kanof, A. (1990) *Jewish Symbolic Art*. Jerusalem: Gefen ; N.Y., U.S.A.: Gefen Books.
- Levine, L. I. (ed.) (1992) *The Galilee in Late Antiquity*. New York; Jerusalem; Cambridge Mass.; London: The Jewish Theological Seminary of America ; Harvard Univ. Press.
- Levine, L. I. (1999) *Judaism and Hellenism in Antiquity : Conflict or Confluence?* Peabody : Hendrickson.
- Fine, S. (1999) *Jews, Christians, and Polytheists in the Ancient Synagogue : Cultural Interaction during the Greco-Roman Period*. London; New York: Routledge.
- Elsner, J. (2003) 'Archaeologies and Agendas: Reflections on Late Ancient Jewish Art and Early Christian Art', *Journal of Roman Studies*, 93, pp. 114-128. doi: 10.2307/3184641.
- Wharton, A. J. (1995) *Refiguring the Post Classical City : Dura Europos, Jerash, Jerusalem and Ravenna*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Mathews, T. F. (1998) 'Refiguring the Post Classical City: Dura Europos, Jerash, Jerusalem and Ravenna. Annabel Jane Wharton', *Speculum*, 73(1), pp. 279-282. doi: 10.2307/2886959.
- Hachlili, R. (2009) *Ancient Mosaic Pavements. Themes, Issues and Trends: Selected Studies*. Leiden; Boston: Brill.
- Levine, L. I. (2012) *Visual Judaism in Late Antiquity : Historical Contexts of Jewish Art*. New Haven; London: Yale University Press.

- Fine, S. (2013a) 'Visual Judaism in Late Antiquity: Historical Contexts of Jewish Art, written by Lee I. Levine', *IMAGES*, 7(1), pp. 119–120. doi: 10.1163/18718000-12340020.
- Fine, S. (2013b) *Art, History and the Historiography of Judaism in Roman Antiquity*. Leiden: BRILL. doi: 10.1163/9789004238176.
- Talgam, R. (2014) *Mosaics of Faith : Floors of Pagans, Jews, Samaritans, Christians, and Muslims in the Holy Land*. Jerusalem, Israel; University Park, Pennsylvania: Yad Ben-Zvi Press ; The Pennsylvania State University Press.
- Leibner, U. and Hezser, C. (eds) (2016) *Jewish art in its Late Antique Context*. Tübingen: Mohr Siebeck.
- Bonnie, R., Hakola, R. and Tervahauta, U. (eds) (2020) *The Synagogue in Ancient Palestine: Current Issues and Emerging Trends*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht.
- Doering, L. and Krause, A. R. (eds) (2020) *Synagogues in the Hellenistic and Roman Periods Archaeological Finds, New Methods, New Theories*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht.
- Moormann, E. M. (2021) 'The Murals of the Synagogue at Dura Europos as an Expression of Roman Koine', in *Principles of Decoration in the Roman World*. Berlin, Boston: De Gruyter, pp. 141–162. doi: 10.1515/9783110732139-009.
- Meyers, E. M. et al. (2009) *Excavations at ancient Nabratein : synagogue and environs*. Winona Lake, Ind: Eisenbrauns.
- Matassa, L. (2018) *The Invention of the First-Century Synagogue: A Critical Examination of the Archaeological Evidence*. Edited by J. M. Silverman and J. M. Watson. Atlanta: Society of Biblical Literature.
- Runesson, A. (2001) *The Origins of the Synagogue : a Socio-Historical Study*. Stockholm: Almqvist & Wiksell.
- Runesson, A., Binder, D. D. and Olsson, B. (2008) *The Ancient Synagogue from its Origins to 200 C.E. : a Source Book*. Leiden; Boston: Brill.
- Hachlili, R. (2013) *Ancient Synagogues - Archaeology and Art : New Discoveries and cCurrent Research*. Leiden ; Boston: Brill.
- Cohen, R. L. (2018) *The Jews in Late Antiquity*. Leeds: Arc Humanities Press.
- Stern, K. B. (2018) *Writing on the Wall : Graffiti and the Forgotten Jews of Late Antiquity*. Princeton: Princeton University Press.
- Pigulevskaia, N. V (1976) *Blizhnii Vostok, Vizantiia, Slaviane [Middle East, Byzantium, Slavs]*. Leningrad: Nauka Publ. (In Russian).
- Lazarev, V. N. (1986) *Istoriia vizantiiskoi zhivopisi [History of Byzantine painting]*. Moscow: Iskusstvo Publ. (In Russian).
- Ovchinnikov, A. N. (1999) *Simvolika hristianskogo iskusstva [The symbolism of Christian art]*. Moscow: Rodnik Publ. (In Russian).
- Bongard-Levin, G. M. (ed.) (1997) *Scythian novel*. Moscow: ROSSPEN. (In Russian).
- Bongard-Levin, G. (ed.) (2003) *Parthian shot*. Moscow: ROSSPEN. (In Russian).

Информация об авторе

Александра Константиновна Григорьева — аспирантка кафедры философии религии и религиоведения Философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, 119991, Москва, Ломоносовский проспект, 27, корп. 4 (Россия)

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author

Aleksandra K. Grigoreva — Postgraduate student of Department of the Philosophy of Religion and Religious Studies, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University, 27–4, Lomonosovsky Prospekt, Moscow, Russia, 119991 (Russia)

Conflicts of interest. The author declares absence of conflicts of interest.

Статья поступила в редакцию 05.06.2021; одобрена после рецензирования 10.08.2021; принята к публикации 30.08.2021.

The article was submitted 05.06.2021; approved after reviewing 10.08.2021; accepted for publication 30.08.2021.